

Э. Д. Фролов
АРХЕ ДИОНИСИЯ

ДЕРЖАВНАЯ политика Дионисия представляет особую историческую проблему, решение которой связано со значительными трудностями. Прежде всего очевидна недостаточность наших источников: документальных материалов почти нет, а литературные свидетельства, как правило, сконцентрированы вокруг личности самого Дионисия и его действий на широкой военно-политической арене. И если даже ситуация в центре государства Дионисия, в Сиракузах, рисуется достаточно случайно, в связи с отдельными крупными событиями, то еще более случайными оказываются упоминания о положении дел в других пунктах, в составных частях новой державы.

При этом ввиду утраты основного позитивного свидетельства — хроники Филиста характерно преобладание односторонне-отрицательных суждений о политике Дионисия внутри своей архе. Признавая известные заслуги Дионисия в укреплении внешней мощи главного греческого города Сицилии Сиракуз и в защите западного эллинизма от карфагенской опасности, античная традиция не уставала подчеркивать, какой дорогой ценой для самих же западных греков были куплены эти достижения. В 80-х годах IV в. два афинских оратора, два защитника полисных устоев жизни (при всем различии прочих социальных и политических симпатий), Лисий и Исократ одинаково судили о ситуации на греческом Западе: сицилийские греки оказались в порабощении у сиракузского тирана, а греческие города Италии разорены им дотла¹.

Несколько позже Платон, находясь под впечатлением того хаоса, который воцарился в Сицилии после гибели Диона, вынес суровый приговор государственному строительству Дионисия в Сицилии. По мнению философа, сиракузский тиран оказался неспособен решить конструктивным образом проблему своих отношений с подчиненными городами: Дионисий, «захватив много крупных городов Сицилии, еще раньше совершенно разрушенных варварами, не был в состоянии, восстановив их, учредить в каждом из них надежное правление из дружественных ему людей (*οὐκ οἷός τ' ἦν κατοικίσαι πολιτείας ἐν ἑκάστῃς ἀποστῆσαι πισταῖς ἑταίρων ἀνδρῶν*)» (Plat., Ep. VII, p. 331 e, пер. С. П. Кондратьева). Единственным результатом его державной политики было гипертрофированное расширение Сиракуз, поглотивших остальные города сицилийских греков (так мы перелагаем слова Платона *εἰς μίαν πόλιν ἀθροίσας πάσαν Σικελίαν*), но и в этом единственном полисе тиран с трудом удерживал власть, не имея доверенных помощников (Plat., Ep. VII, p. 332 c).

¹ См. Lys., XXXIII cum argumento; Isocr., IV, 169.

Порабощение всех без исключения греческих городов, насильственное перетряхивание их социально-политической структуры со специальной целью подавления эллинского и полисного начал, радикальное уничтожение целых греческих общин и насаждение на их месте поселений враждебных эллинизму кампанских наемников. наконец, как результат всего этого, общее обезлюдение и запустение греческих областей Сицилии и Италии — таков безрадостный итог державной политики Дионисия, как он рисовался Платону и как его затем, по всей видимости, обосновывал и Тимей².

Наука нового времени в данном пункте, как и в суждении о политическом творчестве Дионисия в целом, начала с повторения этого выработанного еще в классической древности отрицательного мнения. К нему присоединился Г. Г. Пласс, его разделяли впоследствии Р. Пельман и Р. Ю. Вишпер³. Из этих двух первый считал необходимым подчеркнуть самый факт порабощения сиракузским тираном прочих греческих городов Сицилии, второй — уничтожение им их кантональной автономии, и оба они отметили нарочитое, в ущерб эллинам, благожелательное отношение к туземным племенам италийского корня.

Правда, апологетически настроенная по отношению к Дионисию немецкая историография конца XIX — начала XX в. сумела по-иному взглянуть на ведущие линии в державной политике сиракузского правителя. Ад. Гольм, например, в дружеских контактах нового властителя с сикулами и италиками нашел доказательство сознательного стремления Дионисия в борьбе с карфагенянами опереться на два главных этнических компонента в Сицилии — греков и сикулов — и в этой его ориентации усмотрел предвосхищение собственно эллинистической политики⁴. К. Ю. Белох, в свою очередь, систематическим анализом состава и организации державы Дионисия попытался показать неоднозначность положения подчиненных правителю Сиракуз общин, наличие известных конституционных (договорных) начал в отношениях между Дионисием и членами его архе и даже конституционность положения самого Дионисия в качестве главы созданного им обширного территориального единства⁵.

Эта линия позитивного суждения о державе Дионисия была подхвачена некоторыми новейшими историками, например, Г. Глотцом и Р. Коэном в их «Греческой истории»⁶, однако — и это показательно — в конце концов возобладали взгляды противоположного направления. Английская школа в лице Эд. Фримена, А. Эванса и Дж. Бьюри акцентировала внимание на тенденциях этнической политики Дионисия и в поощрении им сикулов и италиков, бывших, по мнению названных ученых, главной опорой нового режима, усмотрела исходный момент в той реакции туземного италийского материка, которая в конце концов привела к падению мира западных эллинов⁷. К. Ф. Штроекер, по существу продолжив аналитическую работу Белоха как в плане дальнейшего уточнения — а следовательно и обоснования самого факта существования — различных категорий

² Для Платона ср. еще Ер., VII, p. 332 e, 336 ad; VIII, p. 353 e, 357 b; для Тимея — Diö d., XIV, 66, 4; 68, 3; 66, 5.

³ См. H. G. P l a s s, Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen, Teil II, Bremen, 1852, стр. 232 сл.; Р. П е л ь м а н, Очерк греческой истории и источниковедения, пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова, СПб., 1910, стр. 259; Р. Ю. В и ш п е р, История Греции в классическую эпоху (IX—IV вв. до р. х.), М., 1916, стр. 463, 466.

⁴ A. H o l m, Geschichte Siziliens im Altertum, Bd. II, Lpz, 1874, стр. 106, 155.

⁵ K. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, 2. Aufl., Bd. III, Abt. 1—2, B.—Lpz, 1922—1923 (1, стр. 110 сл., 127; 2, стр. 185 сл.).

⁶ G. G l o t z — R. C o h e n, Histoire grecque, t. III, P., 1936, стр. 392, 407.

⁷ См. E. A. F r e e m a n, The History of Sicily, vol. IV, Oxf., 1894, стр. 2—3; A. J. E v a n s, The Monarchy of Dionysios, там же, стр. 216; J. B. B u r y, Dionysius of Syracuse, САН, vol. VI, 1927, стр. 136.

подчиненных Дионисию территориальных и этнических единиц, так и на предмет более точного определения его собственного официального положения⁸, при вынесении окончательного суждения сделал упор на неразрешимости для времени и режима Дионисия важнейшей проблемы — установления конструктивного взаимодействия центральной монархической власти с массивом подчиненных общин. «До какого-либо равномерного организационного проникновения подвластной территории, — замечает Штроекер, — так, очевидно, и не дошло. Все осталось при основном на военной мощи объединении с вершиной в лице монарха. При этих условиях не могло сформироваться никакого общего государственного чувства, как и вообще о «государстве» или «империи» Дионисия можно говорить лишь с соответствующей оговоркой. В этом смысле критика Платона бьет в правильную точку, не указывая, впрочем, со своей стороны никакой другой убедительной возможности для разрешения этих трудностей»⁹.

Отрицательный заряд в этом общем суждении был еще более усилен в последней работе Г. Берве¹⁰. Этот крупнейший на Западе историк греческой тирании настаивает на безусловном преобладании — даже по сравнению с ситуацией в Сиракузах — абсолютистских монархических тенденций в державной политике Дионисия. «Если позиция Дионисия по отношению к сиракузскому полису, — пишет Берве, — выступала в двойном свете постольку, поскольку он распоряжался в городе как в силу своей должности чрезвычайного стратега, так и в силу своей тиранической власти, то дальнейшая область его господства как в Сицилии, так, равным образом, и в Италии и на побережье Адриатического моря являет однозначную картину территориальной монархии, в которой отдельные общины обладали лишь некоторой еще коммунальной самостоятельностью»¹¹.

Несмотря на последнюю оговорку, Берве склонен оценивать положение подчиненных общин в государстве Дионисия как по сути своей подданническое и в этом суждении своем о подавлении сиракузским тираном полисной жизни греков полностью солидаризируется с античной традицией. Мало того, что таким путем он закрывает все возможности для более сбалансированного, включающего и позитивные моменты, суждения о государственном строительстве Дионисия. Ставя под сомнение искренность панэллинских устремлений Дионисия, указывая вновь на злонамеренное искоренение тираном ряда греческих общин и нарочитое заигрывание его с сикулами и италиками, Берве возвращает нас и к другому восходящему к классической древности взгляду — о безусловной ответственности Дионисия за запустение и варваризацию греческих областей Сицилии и Италии, а следовательно, и за конечное крушение мира западных эллинов¹².

Чтобы составить собственное мнение по этому достаточно спорному сюжету, необходимо вновь рассмотреть весь круг относящихся сюда вопросов: особенности формирования территориальной державы Дионисия, ее состав и принципы отношений различных составных частей с центральной властью, официальное положение носителя этой власти Дионисия и тенденции его собственной политики по отношению к подчиненным городам и народам.

Как известно, результатом многолетних целеустремленных действий Дионисия явилось создание обширного политического единства, включив-

⁸ K. F. Stroheker, Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus, Wiesbaden, 1958, стр. 168 слл.

⁹ Там же, стр. 179.

¹⁰ H. Berve, Die Tyrannis bei den Griechen, Bd. I—II, München, 1967 (I, стр. 245 слл., 258 слл.; II, стр. 648 сл., 656).

¹¹ Там же, I, стр. 245.

¹² Там же, I, стр. 246 сл.

шего в себя территории по обе стороны Мессанского пролива. И по размерам своим, и по характеру административно-политических связей это своего рода Государство Обеих Сицилий сильно отличалось от обычных у греков классической поры полисных объединений гегемонистского типа и действительно напоминало образования более позднего времени, периода норманнов и Штауфенов¹³.

Непосредственная власть или сильное политическое влияние Дионисия распространялось в Сицилии, помимо самого города Сиракуз с его ближайшей округой, практически на все земли греков и сикулов вплоть до реки Галик (а в промежутке между второй и третьей Карфагенскими войнами даже и еще дальше на запад, до реки Мазар, но по условиям мира, завершившего третью войну с карфагенянами, Дионисий должен был несколько отступить на восток, за линию Гимера [Фермы] — Гераклея Минойская). В руках сиракузского правителя даже после Третьей Карфагенской войны было сосредоточено до двух третей всей сицилийской территории, или, по подсчетам К. Ю. Белоха, около 17 600 км² (из общей площади острова в 25 600 км²)¹⁴. По ту сторону Мессанского пролива власть Дионисия простиралась на всю юго-западную оконечность италийского сапога, до Скиллетийского перешейка включительно, а с подчинением в период Третьей Карфагенской войны Кротона и дальше на север, вплоть до реки Кратис. Вместе с этими италийскими владениями государство Дионисия достигало действительно внушительных — в особенности по греческим масштабам — размеров: по оценке новейших исследователей, до 23—25 тыс. км², с населением круглым счетом до 1 млн. человек¹⁵.

Помимо этого сплошного массива подвластных территорий в Сицилии и Италии под контролем Дионисия находились еще отдельные важные стратегические пункты на бережьях Адриатического и Тирренского морей, куда он выводил колонии или где оборудовал укрепленные форты. В Адриатике это была, во-первых, Исса с дочерними колониями на Черной Керкире и на далматском материке, в Эгепии и Трагурии; затем, уже на италийском побережье — Адрия, Анкона и, может быть, Нумана; наконец, на побережье Тирренского моря, на Корсике, — так называемая Сиракузская гавань. Опираясь на эти пункты, на силу размещенных там отрядов и эскадр, а также на дружественные союзы с вождями иллирийских, италийских и галльских племен, сиракузский властитель мог осуществлять политическое господство или влияние далеко за пределами собственно архе, во всех трех окружающих морях, Ионийском, Адриатическом и Тирренском, и на прилегающих к ним территориях.

Новая сицилийская держава отличалась, однако, не только своими солидными размерами; что еще важнее, она обладала новым структурным качеством, делавшим ее в корне непохожей на традиционные политические объединения греков. Решающим было то, что это государственное единство было создано усилиями новой утвердившейся в Сиракузах авторитарной власти; уже по одному этому оно не могло быть всего лишь воссозданием в больших масштабах прежней сиракузской архе¹⁶. Города, племена и территории, вошедшие в состав новой сицилийской державы, были связаны союзническими или подданническими отношениями прежде всего с самим главой авторитарного режима в Сиракузах, а не с сиракузским полисом, и это безусловно должно было сообщить созданному таким образом политическому единству новое качество территориальной монархии.

¹³ Сопоставление проводили уже: H o l m, ук. соч., II, стр. 446 сл.; E v a n s, ук. соч., стр. 218; G l o t z — C o h e n, ук. соч., III, стр. 407.

¹⁴ B e l o c h, ук. соч., III, 1, стр. 312.

¹⁵ Там же; S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 168.

¹⁶ Это правильно подчеркивает К. Штроекер (ук. соч., стр. 169 сл.).

Признание за державою Дионисия этого нового качества не должно, однако, обязательно привести нас, вместе с Г. Берве, к однозначной оценке ее как абсолютистско-монархической системы. Внимательное рассмотрение состава и характера связей между элементами новой архе и ее центральной властью скорее может подсказать иной, более сложный и, как нам кажется, более правильный взгляд на государство Дионисия.

В архе Дионисия при ближайшем рассмотрении можно выделить три группы составляющих ее элементов, во-первых, центральное звено — самый город Сиракузы с ближайшей округой и другими приданными ему территориями; во-вторых, прочие туземные и греческие общины, связанные с Дионисием союзническими или подданническими отношениями, но сохранившие свое общинное устройство; в-третьих, новые основанные сиракузским правителем поселения — военно-земледельческие и иные колонии, правовой статус которых нуждается в уточнении.

Что касается Сиракуз, то бесспорно их положение главного, хотя отнюдь и не единственного, как это можно вывести из Платона, города архе. Мы располагаем целым рядом фактов, свидетельствующих о неустанных заботах Дионисия по укреплению и расширению сиракузского полиса. Уже в ходе первых своих завоевательных кампаний, начиная с 403 г., Дионисий восстановил державное положение своего родного города в Сицилии: вновь добился инкорпорации Леонтин в состав сиракузской общины (Diod., XIV, 15,4); привел к подчинению ряд сиккульских общин (окончательно, впрочем, лишь после решающих успехов во Второй Карфагенской войне, ср. Diod., XIV, 58,1; 78,6; 90,3; 95,2; 96,4), причем, вероятно, вновь обязал эти общины выплачивать Сиракузам или, что в данном случае все равно, их стратегу-автократору традиционный подданнический трибут¹⁷; расширил в результате всего границы сиракузского полиса далеко в глубь и на север острова, так что сиракузские владения вошли в непосредственное соприкосновение с землями мессанцев (ср. Diod., XIV, 40, 4 и 6).

Хотя в дальнейшем никаких новых территориальных добавлений Сиракузы, по-видимому, не получали, Дионисий продолжал заботиться об увеличении их населения, в связи с чем он переселил в Сиракузы и включил в число тамошних граждан жителей ряда подчиненных италийских общин — Кавлонии, Риппония и, может быть, частично Регия (см. соответственно Diod., XIV, 106, 3; 107,2; 111,4). Если мы учтем, что Сиракузы были не просто городом, но именно гражданской общиной, сохранившей и при тирании свои качества суверенного целого¹⁸, то будет ясно, до какой степени эта составная часть архе Дионисия могла быть не только его опорной базой, но и заинтересованным партнером по строительству нового государственного единства.

Но и с прочими подчиненными Дионисию общинами дело отнюдь не обстоит так просто, как это выходит по оценкам древних и новых критиков. Начать с того, что масса этих общин не была однородной; в ней, в свою очередь, можно выделить две категории общин, различие в положении которых было обусловлено, очевидно, разностью их политического веса и конкретными обстоятельствами вхождения в архе Дионисия. С одной стороны, выделяется группа несомненно привилегированных общин,

¹⁷ Ср. D i o d., XII, 30, 1 и XIX, 6, 3; T h u c., VI, 20, 4; ср. также B. N i e s e, Dionysios I, RE, Bd. V, 1905, стб. 892; B e l o s h, ук. соч., III, 2, стр. 190; S t r o h e - k e r, ук. соч., стр. 167, 170 сл.

¹⁸ См. нашу статью, специально посвященную обоснованию этого положения: Э. Д. Ф р о л о в, Гражданская община и ее представительные органы в Сиракузах при Дионисии Старшем, в сб. «Античный мир и археология», вып. 3, Саратов, 1977, стр. 63—72.

которые находились с Дионисием в правильных союзнических отношениях, оформленных соответствующими договорами. Это были, во-первых, сикульские города Агирий, Кенторишы, Гербита, Ассор, а также, по-видимому, Гербесс, союзнические отношения с которыми были окончательно оформлены Дионисием в момент решающих успехов во Второй Карфагенской войне (см. Diod., XIV, 78, 6, где сообщается, что с первыми четырьмя Дионисий заключил, очевидно, союзнические договора [συνθήκας ἐποιήσατο], а с последним — мир [εἰρήνην ἐποιήσατο]). Из греческих городов на положении привилегированного союзника всегда находились Локры Эпизефирские, дружественные отношения Дионисия с которыми были скреплены своего рода личной унией — браком с дочерью знатного и влиятельного локрийского гражданина Ксенета Доридой.

Благодаря союзу с Дионисием эти общины сохранили, а в некоторых случаях и сильно расширили свои территории. Так, Локры получили от Дионисия земли подчиненных им в Италии Кавлонии, Гишпония и Скиллетия¹⁹. Эти общины, далее, обладали значительной автономией во всем, что касалось их внутренней жизни. Во всяком случае показательное сохранение ими и при Дионисии прежних форм политического устройства: в Агирии и Кенторишах — династий, схожих с режимом самого Дионисия (ср. Diod., XIV, 9,2; 78,6; 95,4 sqq), в Гербите — народоправства (Diod., XIV, 15,1; 16,1; 78,6), в Локрах — аристократии (Arist., Pol. V, 6,7, p. 1307 а 34—40). Очевидно также, что эти союзные общины были свободны от гарнизонов сиракузского тирана (в Локры, например, гарнизон был введен только Дионисием Младшим — Justin., XXI, 2,9; Strabo, VI, 1,8, p. 259) и от уплаты ему (или Сиракузам) трибута, по крайней мере в той форме, как его, по всей видимости, обязаны были выплачивать сиракузские подданные — сикулы. Впрочем не исключено, что эти общины могли вносить своего рода союзническую подать, в качестве вклада в общее военное дело, как это было в Афинском морском союзе, однако никаких точных подтверждений этому у нас нет²⁰.

На ином положении находились те туземные и греческие общины, чье значение было недостаточным, чтобы остаться на уровне равноправных партнеров, и чья судьба решалась волею более сильного. К этой категории, помимо ряда сикульских общин, — тех именно, с кем Дионисий мог посчитать необязательным заключать или возобновлять договоры при их окончательном подчинении в 395—392 гг., — относилась еще большая часть подчиненных тирану греческих городов: в Сицилии — Камарина, Гела, Акрагант, Селинунт и Гимера (до мира, завершившего Третью Карфагенскую войну, когда два эти города снова перешли под власть карфагенян), далее Липары, Милы и Мессана (до ее превращения в колонию), в Италии — Кротон и ранее подчиненные ему городки.

Формально эти общины могли считаться союзными (ср. Diod., XIII, 109, 1; XIV, 47,4; 55,5; 66, 1—4), но по существу их положение напоминало скорее положение подданных, чем равноправных союзников. В эти города Дионисий при необходимости без церемоний вводил свои гарнизоны (см. для Гимеры/Ферм — Aen. Tact., 10, 22), несомненно облагал их более или менее постоянным трибутом, требовал выполнения различных других повинностей, в том числе поставки по разрядке (*κατὰ πρόσταγμα*) мастеров оружейного дела (Diod., XIV, 41, 3) и воинов для вспомогательных отрядов (Diod., XIV, 44,2). Эти города также сохраняли известную внутреннюю автономию, однако здесь Дионисий решительно вмешивался в социальные отношения, стараясь — и, вопреки Платону, небезуспешно — создать в каждом из них слой преданных ему людей.

¹⁹ См. Diod., XIV, 106, 3; 107, 2; Strabo, VI, 1, 10, p. 261.

²⁰ Ср. Strohecker, ук. соч., стр. 167.

Мы располагаем свидетельствами по крайней мере о двух таких вмешательствах Дионисия во внутренние дела городов, оказавшихся в той или иной степени под его контролем. Один раз это было в Геле, где он помог демосу расправиться с богачами (Diod., XIII, 93). Другой раз — в каком-то, не названном по имени, только что им захваченном городе, где он отпустил на волю рабов и дал им в жены сестер, жен и дочерей их перебитых или изгнанных хозяев с тем именно, чтобы иметь в этих вольноотпущенниках надежную для себя опору (Aen. Tact., 40, 2—3; Polyae., V, 2, 20). С этими частными указаниями полезно сопоставить и общее замечание в речи сиракузянина Феодора о том, что Дионисий изгонял людей, обладавших значительным состоянием, а жен изгнанников выдавал замуж за рабов и людей нечистого происхождения (Diod., XIV, 66,5)²¹. Что сиракузский тиран определенно имел группы сторонников в подвластных ему городах, доказывается тем, что происходило в Акраганте и Мессане во время их недолгого отложения от Дионисия в конце Второй Карфагенской войны: граждане начали здесь с удаления всех тех, кто сочувствовал Дионисию (Diod., XIV, 88,5 — τὸς τὰ Διονυσίου φρονούντας μεταστῆζάμενοι)²².

Особую группу поселений составляли военно-земледельческие и иные колонии, основанные самим Дионисием на захваченных или как-нибудь иначе подчиненных территориях. Больше всего таких поселений было создано Дионисием в Сицилии, где они служили целям стратегического контроля, а также для расселения отслуживших свой срок наемников, которых тиран нередко, вместо денег, награждал земельными участками и домами из фондов подвластных областей. В Сицилии, во всяком случае, больше половины основанных Дионисием новых колоний были именно военно-земледельческими поселениями его ветеранов. Первую такую колонию он основал в 403 г. на месте разгромленной Катаны: здесь он поселил своих кампанских наемников (Diod., XIV, 15, 3). Позднее, во время Второй Карфагенской войны, он перевел эту колонию для большей безопасности в крепость Этну (Diod., XIV, 58,2), но, как кажется, только на время. Во всяком случае позднее, во времена Тимолеонта, в Катане снова находились кампанцы, если судить по тому, что в городе распорядился тиран Мамерк, родом италик (см. Nepos, Timol., 2,4)²³. За Катаной последовали две другие колонии ветеранов — в Леонтинах, где Дионисий будто бы зараз поселил до 10 000 уволенных со службы наемников (Diod., XIV, 78,1—3, под 396 г.), и в Тавромении (Diod., XIV, 96,4, под 392 г.). Кроме того, были основаны новые колонии в Мессане и Тиндариде, где наемники составили лишь часть нового населения, тогда как другая и большая часть была составлена из переселенцев из других греческих городов (Diod., XIV, 78, 5—6, под 396 г.). Кроме того, в Сицилии Дионисием был основан город Адран, но о составе населения его мы ничего определенного не знаем (Diod., XIV, 37,5, под 400 г.).

За пределами Сицилии новые поселения были основаны Дионисием в Южной Италии, в Адриатике и на Корсике. В Южной Италии речь идет прежде всего о Регии, который был первоначально разрушен (см. Strabo, VI, 1,6, p. 258), но где тиран позднее построил себе дворец и разбил боль-

²¹ Для оценки такого рода «брачной» политики ср. теперь: D. A s h e r i, Tyrannie et mariage forcé, Essai d'histoire sociale grecque, «Annales», 32e année, № 1, janvier-février 1977, стр. 21 слл.

²² Свидетельство Диодора в части, касающейся Мессаны, вызывает обычно недоверие. Однако существо рассказа — об удалении из отпавших городов сторонников Дионисия — ставить под сомнение, во всяком случае, необязательно.

²³ Ср. также В е л о с h, ук. соч., III, 2, стр. 190.

шой парк²⁴. Это предполагает оборудование в Регии по крайней мере постоянного военного форта, если даже согласиться со Страбоном (I. с.), что правильную колонию под новым названием Фебия здесь впервые устроил Дионисий Младший²⁵. Затем Юстин сообщает о захвате наемниками Дионисия ливийцами какой-то крепости луканов и об основании ими там — надо думать, с ведома тирана — новой общины со смешанным населением, отчасти из этих ливийцев, отчасти из местных пастухов-бруттиев (Justin., XXIII, 1, 11—12).

В Адриатике, согласно свидетельству Диодора, Дионисий планировал основание целого ряда новых городов (Diod., XV, 13,1 — ἔγρω κατά τὸν Ἀδριακὸν πόλεις οἰκίσειν). И действительно, им были основаны новые сиракузские колонии на Иссе²⁶, далее в Адрии²⁷, в Анконе²⁸ и, может быть, также в Нумане²⁹. Впоследствии Исса, в свою очередь, вывела ряд колоний на соседние острова и далматское побережье — на Черную Кер-

²⁴ Theophr. Hist. plant., IV, 5, 6; Plin., N. h., XII, 1, 7.

²⁵ Предположение об устройстве в Регии военной колонии уже Дионисием Старшим было высказано К. Ю. Белохом (ук. соч., III, 2, стр. 191); ср. также Niese, ук. соч., стб. 893.

²⁶ Diod., XV, 13, 4, где, как и дальше, в 14, 2, вместо рукописного Ἰσσοῦс надо, по-видимому, читать Ἰσσα; ср. P. S.-S. cum n., 413—414; P. S.-S. cycl., 23.

²⁷ Etym. Magn., s. v. Ἀδρία; Tzetzes ad Lycophr. 631; ср. Plin., N. h., III, 16, 121; Plut., Dion., 11, 6.

²⁸ Strabo, V, 4, 2, p. 241; ср. Plin., N. h., III, 13, 111; Iuvencal., IV, 40.

²⁹ См. Plin., I. с. Мы не можем входить здесь в обсуждение во всех деталях достаточно запутанной истории колонизационной деятельности Дионисия в Адриатике. Не выходящий за рамки прагматического изложения обзор дал уже Ад. Гольм (Holt, ук. соч., II, стр. 134 сл. и 440 сл. [примечания]), исполненную политического смысла интерпретацию — К. Ю. Белох, сначала в своей итальянской статье (C. G. Velosch, L'Impero Siciliano di Dionisio. MAL, serie III, vol. VII, 1881, стр. 217), а затем и в рамках «Греческой истории» (III, 1, стр. 118 сл.). Мы придерживаемся его версии и в том, что касается оценки колонизационной деятельности Дионисия в целом, и в суждениях об отдельных деталях (отношение к тексту Диодора, вопрос об Анконе). Разумеется, изучение проблемы не остановилось на Белохе, однако последующие изыскания или суждения, как правило, идут в русле его идей, и расхождения касаются лишь частных деталей. Полностью следуют за Белохом: A. J. Evans, The Adriatic Colonies of Dionysios, в кн.: Freeman, ук. соч., IV, стр. 220—229; G. Lotz — Cohen, ук. соч., III, стр. 403 сл.; H. Bengtson, Griechische Geschichte, 4. Aufl., München, 1969, стр. 289. Отрицает необходимость каких бы то ни было исправлений в тексте Диодора и считает, что колония была основана Дионисием именно в иллирийском Лиссе: M. Flus, Lissus (2). RE, Bd. XIII, Hbhd. 25, 1926, стб. 733 сл., и Issa. RE, Supplbd. V, 1931, стб. 347. Считают, что колонии были основаны Дионисием и в Лиссе и на Иссе: E. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd. V, Stuttgart — Berlin, 1902, § 822, стр. 162 сл.; Niese, ук. соч., стб. 894; Stroheker, ук. соч., стр. 122 сл.; Verwe, ук. соч., I, стр. 235; II, стр. 643; L. Grassesi, Grecità adriatica, 2nda ed., Bologna, 1977, стр. 187 сл., 226 сл. Держатся традиционного взгляда, что Анкона была основана не Дионисием, а его противниками — сиракузскими изгнанниками: Niese, там же; Вигу, ук. соч., стр. 129; Verwe, ук. соч., I, стр. 236. В науке об античности никогда, впрочем, не было недостатка в выступлениях, ставящих целью радикальный пересмотр давно установившегося взгляда. По данному вопросу с попыткой такого рода еще в 30-е годы выступил английский исследователь Р. Боумонт (R. L. Beamon, Greek Influence in the Adriatic Sea before the 4th Century B. C., JHS, vol. LVI, 1936, Pt 2, стр. 202—203 [Appendix III, The Adriatic Enterprise of Dionysius of Syracuse]), а совсем недавно его аргументацию подхватил и развил другой английский ученый Дж. Вудхед (G. Woodhead, The «Adriatic Empire» of Dionysios I of Syracuse, «Klio», Bd. LII, 1970, стр. 503—512). По их мнению, действия Дионисия в Адриатике вовсе не определялись каким-либо широко составленным и последовательно выполняемым планом колонизации. Речь шла о естественном стремлении тирана — в целях упрочения своей власти в Южной Италии — поставить под свой контроль Отрантский пролив (Боумонт) или даже о еще более частной операции — оказании помощи молосскому князю Алкету (Вудхед). В этой связи Дионисием был оборудован временный форт в Лиссе, и тем и ограничили его операции в Адриатике. Критические выступления такого рода обусловлены нарочитым стремлением разрушить логически связное и подкрепленное фактами историческое построение и ввиду этого своего нигилизма никакого сочувствия не вызывают.

киру (Syll.³, 141), в Эпетий и Трагурий³⁰. О характере этих колоний и составе их населения ближе нам почти ничего не известно. Все же можно предполагать, что это были поселения торгово-земледельческого характера, с населением большей частью из сиракузан (для Иссы и Анконы это прямо засвидетельствовано источниками). Сходного типа было, по-видимому, и сиракузское поселение на Корсике, если только правильны догадка о существовании такого поселения (на основании упоминания у Диодора, V, 13,3, о так называемой Сиракузской гавани на Корсике) и отнесение даты его возникновения ко времени Дионисия³¹.

Положение этих вновь основанных поселений отличалось известным своеобразием. С одной стороны, они конституировались — по крайней мере в большей своей части — как автономные общины. Полисный строй определенно засвидетельствован в наших источниках для Леонтия (правда, для более позднего времени Диона — Plut., Dion., 40,1), для Тиндариды (Diod., XIV, 78, 6), полуполюгендарной Бруттии (Justin., XXIII, 1, 12) и, наконец, для Иссы и ее колоний (Syll.³, 141). С другой стороны, на том же примере Иссы видно, что и в колониях, как и в самих Сиракузах, полисное самоуправление сочеталось со стоящей над общиной авторитарной властью, здесь именно назначаемых Дионисием военных губернаторов — эпархов, командовавших размещенными в стратегически важных поселениях гарнизонами (см. Diod., XV, 14,2; возможно, что и положение Филиста в Адрии было тоже такого рода эпархией). Понятно, что связь этих колоний с центральной властью была более тесной, чем у других общин, входивших в состав новой архе. Военные контингенты, выставлявшиеся поселениями ветеранов, не входили в категорию союзных и находились в непосредственном распоряжении главы авторитарного режима в Сиракузах (см. для кампанской колонии в Этне — Diod., XIV, 61,6, где, впрочем, отношения этой колонии с Дионисием неточно обозначены как союзные — *συνδικηία*)³². Сходным образом, по-видимому, обстояло дело и с другими повинностями, которые постоянно или при случае должны были выполнять эти вновь основанные колонии. Впрочем не все они находились в одинаковом положении: у нас нет прямых свидетельств, что колония кампанских наемников была организована как самоуправляющаяся гражданская община-полис; с другой стороны, есть указания, что верность таких составленных из варваров поселений могла обеспечиваться взятием у них заложников (см. для тех же кампанцев в Этне — Diod., XIV, 61,7).

Проведенный обзор показывает, насколько неоднозначным было положение составных частей архе Дионисия, сколь сложной, стало быть, была ее структура. При этом уже сейчас можно отметить замечательное сохранение по крайней мере большей частью вошедших в состав государства Дионисия городов — как старых, так и вновь созданных — полисной организации и полисной автономии. Все это, очевидно, должно предосте-

³⁰ P o l y b., XXXII, 18, 1—2; S t r a b o, VII, 5, 5, p. 315. О колонии иссейцев на Черной Керкире в связи с анализом декрета о разделе земли между колонистами см., в частности: J. B r u n s m i d, Die Inschriften und Münzen der griechischen Städte Dalmatiens (Abhandlungen des Archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien, Hf. 13), Wien, 1898, стр. 2—14; A. W i l h e l m, Die Landlose der Ansiedler aus Issa auf Korkyra Melaina. (Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde, Teil III, 15) SBAW, Bd. 175, Abh. I, 1913, стр. 3—18; В. П. Я й л е н к о, К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами, ВДИ, 1971, № 2, стр. 9—24.

³¹ Это предположение К. Ю. Белоха (Griechische Geschichte, III, 1, стр. 120). Его принимают: M e u e r, ук. соч., V, § 823, стр. 164 и 165; G l o t z — C o h e n, ук. соч., III, стр. 403; S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 128; B e n g t s o n, ук. соч., стр. 289; отвергает: В e r v e, ук. соч., I, стр. 236; II, стр. 644.

³² Ср. В e l o c h, Griechische Geschichte, III, 2, стр. 192; S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 172.

речь от поспешной односторонней оценки державы Дионисия как территориальной монархии с абсолютистским режимом, нивелировавшим положение подчиненных общин и практически раздавившим их полисный уклад жизни.

Вместе с тем нельзя отрицать очевидного — действительно присущего государству Дионисия территориального и монархического характера, в силу которого оно, разумеется, являло собой разрыв с полисной традицией; не следует только преувеличивать масштабы этого разрыва. Уже древним было свойственно представление о государстве Дионисия как территориальной державе. Это нашло отражение как в соответствующих прямых обозначениях (ср. замечательное выражение *ἡ ἀρχὴ τῆς Ἰταλίας καὶ Σικελίας* у Платона, Ер. VII, р. 327 е. и по крайней мере три случая использования термина *δυναστεία* в смысле территориальной державы у Диодора, XIV, 14,2; 18,1; 100, 1)³³, так и еще более в обозначениях положения главы этого государства как тирана (династа), царя (Ροῦβ., XV, 35, 4) или архонта Сицилии (Syll. 3, 128, 159, 163). Какой бы вариант мы ни выбрали, — т. е. будем ли мы считать, что власть Дионисия над Сицилией официально обозначалась как тираническая, или как царская, или как архонство, — в любом из этих случаев замечательно дополнительное определение власти Дионисия не по его городу, а по более обширному территориальному целому³⁵. Но нам, конечно, не безразлично, какой именно из указанных вариантов следует предпочесть, ибо правильный выбор позволит приблизиться к более точному пониманию характера государства Дионисия.

При рассмотрении титулатуры Дионисия в качестве правителя Сицилии приходится сразу же отбросить два первых варианта как безусловно неточные. Как в Сиракузах, так и в прочей архе Дионисий не мог официально именоваться тираном, и у нас нет никаких серьезных оснований считать, что он решился на провозглашение себя царем. Обозначения «тиран Сицилии» и «царь Сицилии» надо рассматривать как приблизительные, условные, где отмечено лишь видимое существо дела — территориальный характер государства Дионисия и его личное монархическое положение, однако это последнее охарактеризовано неточно, в зависимости от позиции автора с уклоном либо в «худшую» (тиран), либо в «лучшую» сторону (царь).

Большого внимания заслуживает третий вариант — «архонт Сицилии». Это выражение тем более может претендовать на официальное обозначение, что оно встречается в современных Дионисию официальных документах — в трех афинских надписях соответственно от 394/3, 369/8 и 368/7 г., содержащих постановления в честь или для сицилийского правителя. Данные этих надписей были самым внимательным образом изучены и эффективно использованы К. Ю. Белохом, который после первого предположения о принятии Дионисием должности и звания архонта вместо чрезвычайной стратегии в Сиракузах³⁶ разработал более основательную версию о принятии Дионисием титула архонта Сицилии именно для обоснования своей власти в Сицилии, подобно тому как в Сиракузах она была обоснована посредством стратегии³⁷. При этом Белох специально обосновывал: 1) официальный характер обозначения Дионисия архонтом Сици-

³³ Места указаны: S t r o h e k e r, ук. соч., стр. 249 (прим. 165 к гл. VII).

³⁴ L u s., XXXIII, 5; I s o c r., IV, 126; T h e o p o m p. a p. A t h e n., VI, 77, р. 261 a = FgrHist 115 F 134; D i o d., XIV, 18, 1; XV, 23, 5).

³⁵ Это правильно подчеркивает: C. M o s s é, La tyrannie dans la Grèce antique, P., 1969, стр. 119.

³⁶ B e l o c h, L'Impero Siciliano di Dionisio, стр. 227 слл.

³⁷ О н ж е, Griechische Geschichte, III, 1, стр. 111; 2, стр. 200 слл.

лии, как титула, не только использованного афинянами, но и принятого самим сицилийским правителем; 2) принятие Дионисием этого титула именно в связи с созданием территориальной державы, скорее всего после решающей победы над карфагенянами под Сиракузами в 396 г. (ср. подчеркивание державного характера власти Дионисия в третьей афинской надписи [Syll.³, 163] с текстом союзного договора, сткк. 19 и 29, где при определении сиракузской стороны использована формула $\Delta\iota\omicron\nu\upsilon\sigma\iota\omicron\varsigma \eta\ \omicron\iota\ \epsilon\chi\theta\omicron\nu\omicron\iota\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\beta\ \eta\ \beta\omicron\varsigma\omega\nu\ \alpha\rho\chi\eta\iota\ \Delta\iota\omicron\nu\upsilon\sigma\iota\omicron\varsigma$); 3) конституционный характер этого акта ввиду вероятного провозглашения Дионисия архонтом Сицилии на съезде представителей сицилийских городов так, как это было в случаях провозглашения царями Сицилии Пирра и Гиерона II (ср. Polyb., VII, 4,5; I, 9,8); 4) наследственное закрепление этой должности и звания за домом Дионисия (ср. неоднократные указания в союзном договоре, что заключаемое соглашение будет иметь силу и для Дионисия и для потомков его, сткк. 10/11, 14/15, 18/19, 24/25, 28); 5) обусловленность этим и предполагаемого наследования должности сиракузского стратега-автократора в доме Дионисия.

Эти построения Белоха вызвали целый ряд соответствующих откликов и выступлений и за, и против. Еще в ответ на первое предположение Белоха — о принятии Дионисием должности и звания архонта вместо чрезвычайной стратегии в Сиракузах — А. Эванс высказал мнение (развитое затем и самим Белохом) о державном смысле титула «архонт Сицилии», который был принят Дионисием для подчеркивания в отношениях с другими государствами своего нового положения сицилийского властителя. В принятии этого титула Дионисий, по мнению Эванса, шел по стопам сикульских вождей, возможно Архонида из Гербиты, претендуя также и на их фактическое наследие — на верховную власть над сикульскими землями так же, как и над греческими городами³⁸. Гипотеза Эванса была позднее развита Дж. Бьюри, который указал на время, когда Дионисий по примеру Архонида мог принять титул архонта, — либо при заключении первого соглашения с гербитянами в 403 г. (см. Diod., XIV, 15,1; 16,1 sqq.), либо же при заключении с ними нового договора в 395 г. (Diod., XIV, 78,6)³⁹.

В дальнейшем дискуссия развернулась главным образом вокруг новой версии Белоха. Ряд исследователей категорически отверг всю его конструкцию вместе с центральным положением об официальном характере принятого Дионисием титула «архонт Сицилии». По мнению Б. Низе, Г. Бузольта, М. Шееле, Л. Викерта, а также и Г. Берве (в его последнем труде о греческой тирании), выражение «архонт Сицилии» в афинских надписях означает не официальный титул Дионисия, а приукрашенное, или щадящее, обозначение его реальной тиранической власти в Сицилии⁴⁰.

Однако нет недостатка и в тех, кто готов разделить главную концепцию Белоха. Вслед за ним официальное качество титула «архонт Сицилии» признают В. Хюттль, Г. Глотц и Р. Коэн, Г. Бенгтсон и, наконец, К. Ф. Штроекер, позиция которого, впрочем, отличается известным свое-

³⁸ Evans, The Monarchy of Dionysios, стр. 211—213.

³⁹ Bury, ук. соч., стр. 118.

⁴⁰ Niese, ук. соч., стб. 898; G. Busolt, Griechische Staatskunde, Bd. I, München, 1920, стр. 392, прим. 1; M. Scheele, Strategos autokrator. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jahrhunderts, Diss., Lpz, 1932, стр. 43—44; L. Wicker, Syrakusai, RE, 2. Reihe, Bd. IV, Hbbd. 8, 1932, стб. 1512; Berve, ук. соч., I, стр. 245 сл.; II, стр. 648 сл. По существу того же взгляда придерживается и М. Н. Тод (M. N. Tod, A Selection of Greek Historical Inscriptions, vol. II². Oxf., 1948, стр. 26 — «ὁ Σικελίας ἀρχων... is a descriptive phrase rather than an official title»).

образом⁴¹. Штроекер решительно отвергает предположение Эванса — Бьюри об унаследовании Дионисием титула архонта Сицилии от сикульских вождей. Он указывает на традиционность собственной геополитической концепции сицилийских греков, в которой не было места ни карфагенянам, ни сикулам, ни другим племенам негреческого корня. Эта концепция была разработана уже Гермократом, а затем принята на вооружение и Дионисием. Вместе с тем и в конструкции Белоха Штроекер справедливо видит элементы увлечения, стремления к выработке законченного конституционного образа высшей должности сицилийского архонта. Признавая официальный характер титула «архонт Сицилии», Штроекер решительно отделяет его от должности. Дионисий принял этот титул, а афиняне признали его как оправданную реальным положением вещей претензию сиракузского правителя на власть над всей Сицилией. Использование Дионисием этого титула было тем более понятным, что само по себе слово «архонт» нейтрально и может быть применено для обозначения любой реально существующей власти. Но титулу «архонт Сицилии» не соответствовало никакой должности, как и вообще в строительстве организационных основ своей державы Дионисий остановился на самом начале — на личном утверждении, с соответствующим провозглашением в качестве властителя, не более.

Со своей стороны, мы также склонны согласиться с тезисом об официальном характере титула «архонт Сицилии» у Дионисия. Не повторяя всего, что было сказано в пользу этого Белохом, а затем Штроекером, отметим два, на наш взгляд, решающих объективных аргумента: во-первых, стойкое употребление этого титула в современных Дионисию официальных документах; во-вторых, напрашивающиеся параллели не только с боспорскими Спартокидами, употреблявшими титул архонта для обозначения своей власти над греческими городами созданной ими архе⁴², но и с Ясоном Ферским и его преемниками, которые, обладая авторитарной тиранической властью в своем родном городе, возглавляли союз фессалийских городов на правах и с титулом тагов — конституционных магистратов подставлять архонтам⁴³.

Разумеется, согласие с главным тезисом Белоха не означает автоматического принятия и всех других его положений. Заключение Белоха о времени и процедуре принятия Дионисием титула архонта Сицилии должны быть отнесены к разряду недоказуемых пока гипотез, а утверждение об обусловленности наследования чрезвычайной стратегии в Сиракузах наследственным характером должности сицилийского архонта и вовсе является чистым домыслом. Но главное остается. Это — официальное качест-

⁴¹ W. Hüttel, *Verfassungsgeschichte von Syrakus*, Prag, 1929, стр. 108 слл.; G l o t z — C o h e n, ук. соч., III, стр. 392; В e n g t s o n, ук. соч., стр. 288; S t r o e k e r, ук. соч., стр. 172 слл. — Всего лишь вариантом этой точки зрения надо считать мнение, что Дионисий действительно величал себя архонтом Сицилии, но лишь в сношениях с иностранными государствами. Этого мнения придерживались: М e y e r, ук. соч., V, § 787, стр. 96; H. S w o b o d a, *Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer* (K. F. H e r m a n n, *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten*, 1°, 3), Tübingen, 1913, стр. 85, прим. 2.

⁴² Ср. в боспорских надписях формулу датировки с титулатурой правителей IV в. до н. э. Левкона I и Перисада I: *αρχοντας Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ Βραχλευούτος Σιρῶων κτλ* (КБН, 6, 10, 11, 971, 972, 1014, 1015, 1037—1040). О характере власти и титулатуре боспорских Спартокидов подробнее см. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, *Боспорское царство*, М.—Л., 1949, стр. 62 сл.; о н ж е, *История античных городов Северного Причерноморья*, в кн. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 114—117. Более обширный перечень литературы указан в комментарии к надписи КБН, 6.

⁴³ По этому поводу подробнее см. Э. Д. Ф р о л о в, *Греческие тираны (IV в. до н. э.)*, Л., 1972, стр. 91—93, 102—105, 107 слл.

во принятого Дионисием титула и, очевидно, также должности архонта Сицилии (с проводимым у Штроекера разделением мы, пожалуй, не согласимся — оно выглядит слишком искусственным). Это, далее, реальное соответствие и несомненная пригодность данного титула для обозначения того, что было достигнуто Дионисием в Сицилии, т. е. особенного вида монархической власти, не унаследованной, а благоприобретенной, и не безусловно тиранической, а претендующей на некую конституционность ввиду проводимого ею диалога с подчиненными общинами. Это, наконец, некоторая действительно достигнутая легитимность в силу внешнего признания и предполагаемой передачи власти по наследству.

Решение вопроса с титулатурой нового сицилийского властителя несомненно стоит в связи и с более общей проблемой — с оценкой основных тенденций политики Дионисия внутри архе. Действительно, основываясь на изложенном выше фактическом материале, можно выделить следующие примечательные черты этой политики, которые находят подтверждение и в усвоенном новой властью официальном обозначении. Прежде всего — и здесь мы совершенно согласны с К. Ф. Штроекером — представляется несомненной связь державной политики Дионисия с геополитической концепцией сицилийских греков, заявленной когда-то еще Гермократом⁴⁴. Все правление Дионисия прошло под знаком борьбы за объединение греческих общин Сицилии и прилегающего района Италии в единое политическое целое, спаянное общим подчинением утвердившемуся в Сиракузах авторитарному режиму и общим участием в направляемой этим режимом войне с карфагенянами. Что Дионисий использовал тенденции панэллинизма в собственных интересах, это отрицать не приходится. Что при построении новой архе, в борьбе с карфагенянами и в спорах с отдельными упорно отстаивавшими свое право на автономию греческими общинами ему приходилось опираться на союз с сикулами и италиками, это также вполне понятно. Однако все это не мешает признать созданное им политическое единство государственным образованием по преимуществу греческим.

В самом деле, не следует преувеличивать масштабов осуществлявшегося Дионисием подавления эллинского элемента и возвышения варварского. В борьбе за создание новой архе Дионисием действительно был разгромлен ряд греческих городов. Однако полезно помнить, что из них полностью были уничтожены лишь три, — те именно, которые всегда противились возвышению Сиракуз, — халкидские города Катана, Наксос и Регий. Остальные — Леонтины, Кавлония и Гиппоний — были скорее инкорпорированы в состав ведущих полисов новой державы Сиракуз и Локров. С другой стороны, взамен уничтоженных было основано по крайней мере вдвое больше новых городов, отчасти на месте ранее ликвидированных (в Катане, в Леонтинах, возможно, также в Регии), причем из этих вновь основанных лишь один или два — Катана/Этна и полуполюгендарная Бруттия — были бесспорно заселены варварами. Из остальных примерно 10—11 поселений шесть — в Мессане, Тиндариде, Иссе, Адрии, Анконе и на Корсике — точно были греческими, а еще три — в Леонтинах, Тавромении и Нумане — весьма вероятно (ничего определенного нельзя сказать только об Адране и Регии)⁴⁵.

⁴⁴ Ср. Stroheker, ук. соч., стр. 179—181.

⁴⁵ Как справедливо указывает К. Ю. Белох (Griechische Geschichte, III, 2, стр. 191), среди населения основанных Дионисием военно-земледельческих колоний, кроме очевидного исключения с поселением кампанцев в Катане/Этне, большинство должны были составлять греки хотя бы потому, что в первые годы нового режима, на которые и падает основание этих колоний, Дионисий вербовал своих наемников главным образом среди эллинов. С другой стороны, в ряде мест к этим новым поселенцам могли добавиться старые жители — тоже греки.

Равным образом не следует преувеличивать степени участия варваров в государственном строительстве Дионисия. Сиракузский тиран широко привлекал италиков, иберов, кельтов и даже ливийцев на службу в свои наемные войска. При случае он мог оставить тот или другой захваченный город на попечение гарнизона, составленного из сикулов. Однако, что показательно, возглавлять такой гарнизон все равно поручалось греку, — мы имеем в виду случай с Мотией, где Дионисий оставил гарнизон из сикулов под командованием сиракузянина Битона (см. *Diod.*, XIV, 53,6), — как и вообще среди ближайшего окружения Дионисия, среди его «друзей», мы не найдем ни одного, кто не был бы греческого происхождения⁴⁶.

Другая важная особенность державной политики Дионисия, очевидно, тесно связанная с предыдущей, — сохранением полиса как основной ячейки нового государственного единства. Вопреки утверждениям Р. Ю. Виппера и Г. Берве не видно никакого особенного посягательства сиракузского тирана на полисную организацию подчиненных общин. Напротив, мы видели, что ведущие полисы державы Дионисия были укреплены и усилены за счет принудительного синойкизма (Сиракузы) или расширения территории (Локры), что прочие подвластные Дионисию города также сохранили, хотя, разумеется, и в урезанном виде, свой полисный статус, а вновь основанные греческие поселения, как правило, организовывались как гражданские общины. С известным основанием можно утверждать, что полисы — собственно греческие или эллинизированных сикулов — всегда оставались организационной основой архе Дионисия⁴⁷.

Но, разумеется, не следует преувеличивать степени автономности отдельных общин в государстве Дионисия. Оставаясь полисами, они вместе с тем были элементами нового территориального единства, и это единство поддерживалось не только силою связавшего свою архе «стальными цепями» Дионисия, не только продикуванным нуждою интересом вошедших в состав этой архе греческих общин, но и соответствующей административной политикой центральной власти. Нельзя согласиться ни с Штроекером, ни с Берве, когда и тот и другой отрицают наличие какой бы то ни было административно-политической организации в державе Дионисия. Конечно, состояние нашей традиции — в особенности по данному вопросу — оставляет желать лучшего, и все же нельзя сказать, чтобы не было вовсе никаких указаний на проведение Дионисием соответствующей административной политики. Напомним о назначении им особых военных «губернаторов» — эпархов во вновь основанные города (*Diod.*, XV, 14, 2). О заботах Дионисия по устройению и охране границ нового территориального единства свидетельствуют упоминания о пограничной страже (*Plat.*, Ер. VII, р. 329 е) и о попытках создания на Скиллетийском перешейке укрепленной пограничной полосы⁴⁸. Наконец, характерна осуществленная Дионисием централизация монетного дела, приведшая к прекраще-

⁴⁶ На это правильно обращает внимание К. Штроекер (ук. соч., стр. 252 — прим. 240 к гл. VII).

⁴⁷ Принятие в расчет эллинизированных сикульских общин нам кажется в данном случае вполне справедливым. Эллинизация туземного населения, которая, как считают, именно при Дионисии сделала большие успехи (см. *F r e e m a n*, ук. соч., IV, стр. 3; *N i e s e*, ук. соч., стб. 896; *B e r v e*, ук. соч., I, стр. 247; II, стр. 649), должна была привести и к постепенной трансформации социально-политического быта местных племен, к усвоению их общинами черт выработанной греками полисной организации (ср. рассуждения К. Ф. Штроекера о характерной для времени Дионисия «сильной политической нивелировке» греко-сикульского региона Сицилии — *S t r o e k e r*, ук. соч., стр. 179).

⁴⁸ *S t r a b o*, VI, 1, 40, p. 264; *P l i n.*, N. h. III, 40, 95.

нию выпуска серебряной монеты в подвластных городах и к сосредоточению чекана этой монеты в главном городе архе Сиракузах⁴⁹.

Разумеется, последнее обстоятельство можно рассматривать не только как выражение административной централизации, но и как сильнейшее ограничение суверенитета ранее вполне автономных общин. Что эти общины не располагали правом самостоятельного ведения внешней политики, это также очевидно, и яркое подтверждение тому можно найти в процедуре заключения союзного договора с Афинами (Syll.³, 163): единственным правомочным партнером афинян здесь выступает Дионисий со своими потомками, тогда как органы сиракузской общины фигурируют лишь в качестве дополнительных гарантов, а прочие города архе и вовсе лишены какого бы то ни было представительства и, очевидно, целиком растворились в объектной категории владений Дионисия (ὅσων ἀρχεῖ Διονυσίος).

Было ли достигнуто таким путем интегральное единство подчиненных Дионисием городов, племен и территорий? Были ли уже тогда выработаны в полном объеме соответствующие организационные формы и правовые представления, включая понятие единого сицилийского гражданства? Предположение в таком духе было высказано У. Каршtedтом на основании одной афинской надписи, относящейся к началу IV в. до н. э. и содержащей постановление о даровании ателии некоему сицилийцу (IG², II/III, № 61 — εἶναι Ἄ[..... τῶν Σ]ικελιώτ[ι ἀτέλειαν τῶ] μετοίκ[ι]ο κτλ). По мнению Каршtedта, в этом сицилийце надо видеть «подданного того государства, над которым властвовал в качестве архонта Сицилии Дионисий»⁵⁰.

Мы думаем, что для таких далеких заключений достаточных оснований пока нет. Сделанное Дионисием надо рассматривать скорее как приступ к созданию правильной державной организации. Однако нельзя отрицать того, что этот приступ был весьма эффективен: построенное сицилийским властителем здание оказалось достаточно прочным, чтобы пережить своего творца и продолжить существование даже при его слабохарактерном и малоинициативном преемнике.

THE ARCHĒ OF DIONYSIUS

E. D. Frolov

In both antiquity and modern times attitudes towards the great-power policies of Dionysius the Elder have been negative. Ancient authors (Lysias, Isocrates, Plato, Timaeus) judged his efforts to create a territorial empire mainly from a polis standpoint and never wearied of accusing the Syracusan ruler of enslaving the western Greeks, of deliberately weakening the Hellenic element in favour of the barbarian (Sicel-Italic). Modern historiography opened by repeating this condemnation (H. G. Plass) and then, after a short period of fruitful investigation (K. J. Beloch), ended about where it had started — with the assertion that the regime of Dionysius was a failure in view of its inability to bring about a constructive relationship between the central monarchical authority and the subject communities (H. Berve). However, attentive study of the ancient tradition raises

⁴⁹ См. из старой литературы: Holm, ук. соч., II, стр. 146 и 446; Evans, The Monarchy of Dionysios, стр. 216; он же, The Finance and Coinage of the Elder Dionysios, в кн.: Freeman, ук. соч., IV, стр. 234 сл.; а из новой в особенности: K. Christ, Literaturüberblicke der griechischen Numismatik. I. Sizilien, JNG, Bd. V/VI, 1954/5, стр. 226 слл.

⁵⁰ U. Kahrsstedt, рец. на W. Hüttel, Verfassungsgeschichte von Syrakus, Prag, 1929, HZ, Bd. 143, Hft. 3, стр. 540.

doubts as to the soundness of so unrelievedly negative a judgment. A closer look reveals great achievements by Dionysius in constructing a territorial aggregate in the West. He created an extensive realm such as the Greek world had not yet known, a sort of State of the Two Sicilies. Differing from traditional Greek confederacies in that the initiatory role was played not by a polis-*hegemon* but by a tyrant standing above the polis, the *archē* of Dionysius was still based on Greek *poleis*: the classical citizen community was still its main structural element. And the position of Dionysius himself, as head of a new territorial aggregate was, accordingly, also *sui generis*: he was *archon of Sicily*, a title he took early in his career. While he took the first steps towards fashioning a new, imperial administration, he tried to continue, throughout his *archē*, the same monarch-polis intercourse which he maintained with his native city Syracuse. The result was the creation of a powerful political aggregate which for half a century determined the fates of the western Greeks and was an important factor in the gradual elaboration in the West of a new type of state formation combining polis and monarchical-imperial principles.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ